

Сюй Сяое вернулась в реальность благодаря Ань Жун. Она глубоко вздохнула и покачала головой:

— Знаешь, как совпало. Я встретила её там. Мы попали туда в один день, поэтому временно стали соседками по комнате. Позже я узнала, что у неё был человек, который ей давно нравился, тоже девушка. Она тайком писала письма, которые нашли её родители. Они знали только, что мы с ней близки, и решили, что это я. Поэтому нашли номер моей мамы в школе.

Она говорила спокойно, без единого украшения, но Ань Жун слушала с замиранием сердца. Она не могла представить, какие родители могли сделать такое, и сколько страданий пережила тогда Сюй Сяое.

Но сейчас она могла только обнять Сюй Сяое. Ничего больше. Чувство беспомощности и грусти разливалось в её груди.

Об этом Сюй Сяое никогда ей не рассказывала.

— Она сказала, что её девушка уехала за границу, вернётся после экзаменов. Она уже убедила родителей отправить её на учёбу, скоро они смогут встретиться. — Сюй Сяое горько усмехнулась. — Там жизнь была нелёгкой. Сначала она сильно сопротивлялась, её сильно били. Если часто устраивала беспорядки, её кормили таблетками, от которых не было сил, и не хотелось сопротивляться. Позже она поумнела, стала притворяться, что выздоровела, что больше не любит девушек. Даже специально нашла парня, чтобы встречаться. Её родители поверили, с радостными слезами забрали её.

Сюй Сяое с сарказмом улыбнулась.

Ань Жун не знала Сюй Сяое в семнадцать лет, но тогда она точно не была слабой и покорной. Она и сейчас не такая, хоть и повзрослела, научилась носить разные маски. Но Сюй Сяое не была той тихой девочкой.

Она, наверное, была зачинщицей беспорядков, поэтому, наверное, много страдала, много раз принимала таблетки.

У Ань Жун защемило в носу, глаза наполнились слезами.

Если бы на этом всё закончилось, хоть и печально и жестоко, но была бы надежда. Но Ань Жун чувствовала, что это не конец. Её сердце похолодело. Она пожалела, что позволила Сюй Сяое открыть эту рану.

Сюй Сяое механически похлопала по руке Ань Жун, которая её обнимала, вытерла слёзы на её лице. Увидев, что у неё покраснел нос, с сожалением сказала:

— О чём ты плачешь?

— Мне грустно. — Ань Жун всхлипнула. — Если бы я была тогда там.

Сердце Сюй Сяое постепенно ожило. Она вытирала текущие слёзы Ань Жун. Её голос был мягким:

— Тебе тогда было всего десять. Что бы ты там делала? Это не лучшее место.

Ань Жун почувствовала себя бесполезной. Ведь страдать должна была Сюй Сяое, а теперь ей

приходится утешать её.

— Говори. — Ань Жун сама вытерла слёзы.

Сюй Сяое щипнула её за нос:

— Тогда не плачь, а то выйдем, и все подумают, что я тебя обидела.

Ань Жун кивнула.

После её отвлечения Сюй Сяое тоже вышла из этого состояния. Она посмотрела на Ань Жун и продолжила:

— Она ушла меньше чем через два месяца. Её снова привезли родители. Они были в отчаянии, чтобы она продолжала «исправляться». Перед Новым годом, двадцать седьмого декабря, люди начали забирать родственников домой. Атмосфера была хорошей, надзор не таким строгим. Мы бегали вниз. Она в тот день была с температурой и отдыхала. Не знаю, как она оказалась на крыше. Никто не заметил. И вдруг с неба упал человек, прямо передо мной. Кровь сразу залила мои ботинки.

Сердце Ань Жун ёкнуло.

Она смотрела, как лицо Сюй Сяое побледнело. Её горло сжалось, словно её тошнило, но она сдерживалась. И в итоге на её лице появилась улыбка, хуже, чем слёзы:

— Её родители пришли, в отчаянии и гнев обвиняли надзор в халатности, что привело к тому, что их дочь прыгнула...

— Тогда однополые браки уже были легализованы. Её родители считали её своей драгоценностью: самый дорогой телефон, редкие коллекционные фигурки, брендовая одежда. Всё, что она хотела, они выполняли все её желания. Но остановились на этом одном. Только на этом одном. И это забрало её жизнь.

Ань Жун уже не могла говорить.

Сюй Сяое посмотрела на неё и спросила:

— Как ты думаешь, до какого предела могут пойти твои родители? Выгонят тебя и больше не будут признавать или с радостью примут, что ты выйдешь замуж за женщину?

Ань Жун открыла рот, но не нашла слов.

Там, где они жили, было отстало, экономика неразвитая, мысли консервативными. С момента легализации однополых браков она постоянно слышала, как окружающие смеются над тем, что у кого-то сын женился на мужчине, у кого-то дочь вышла замуж за женщину, у кого-то не будет потомства, их предки опозорены.

Она не была уверена, примут ли её родители. Но...

Ань Жун вздохнула, посмотрела на Сюй Сяое и вдруг нагло улыбнулась:

— Если они не согласятся, то это будет долгая война. Кто сдастся, тот проиграет. Максимум — эмоциональный шантаж. Я не тороплюсь. Они даже если не согласятся, не смогут жить в моей голове. Далеко от них. Посмотрим, кто кого перетерпит. В ЗАГСе для регистрации брака не

нужно подписей родителей. Они могут управлять всем, но не могут управлять тем, кто в моём сердце — мужчина или женщина.

Сюй Сяое: ...

— ... Это нереально.

Ань Жун, с покрасневшим носом, с влажными глазами посмотрела на Сюй Сяое:

— Почему нереально? Мне семнадцать. Сейчас я достаточно сильная, чтобы убежать от здоровяка, не говоря уже о пятидесятилетнем старике? Скоро у меня будут деньги. Моя школа здесь, карьера здесь. Чего мне бояться?

Сюй Сяое рассмеялась:

— Не в физическом плане, а в моральном, в общественном...

— Подпишем документы, ляжем спать, и хоть бы кто вмешивался. — Ань Жун сказала с серьёзным лицом. — Что тут такого? Я не королева или император, мне не нужно устраивать голосование за мою личную жизнь. Я маленькая пылинка, людям нет дела до того, что происходит в моей постели. К тому же, если есть те, кто против, значит, есть и те, кто поддерживает. Если я должна слушать кого-то, то, конечно, тех, кто поддерживает.

Куча абсурдных аргументов. Совсем не то, что думала Сюй Сяое. Словно стену разбили кувалдой. Беспорядочными ударами, без всякой логики.

Сюй Сяое была в шоке.

Ань Жун посмотрела на неё и сказала:

— Семь лет назад вы были молоды и наивны. Некоторые методы было невозможно избежать. Это не вина твоей подруги, ей было жалко. Но я не она.

После рассказа Сюй Сяое, Ань Жун поняла, почему она боится таблеток, почему той ночью её так сильно тошнило.

Потому что в тот момент Сюй Сяое представляла себя на месте своей подруги. Ань Жун вздохнула. С серьёзным и решительным лицом посмотрела на Сюй Сяое и сказала:

— Я не такая, как она. Я не могу гарантировать, что оказавшись на её месте, я бы поступила так же. Но я — Ань Жун, и я могу сделать свой выбор. Ты читала книгу «О затяжной войне»? Почитай.

Они были так близко, что могли видеть свои отражения в зрачках друг друга. Сюй Сяое замерла, глядя на своё искажённое и растерянное отражение в глазах Ань Жун.

Сюй Сяое нахмурилась:

— Ты серьёзно?

Ань Жун подняла бровь:

— Конечно. Хоть штаны гори!

Сюй Сяое не знала, что сказать. Она рассказала эту историю, чтобы Ань Жун поняла, какие серьёзные последствия могут быть, если её сексуальная ориентация станет известна родителям, друзьям и окружающим.

Не для того, чтобы она вела затяжную войну.

Ань Жун подняла бровь:

— Например, если бы ты мне нравилась.

Сердце Сюй Сяое ёкнуло, веко дёрнулось.

Ань Жун с невозмутимым лицом:

— Я просто привожу пример. Допустим, ты мне нравилась бы. Я бы начала за тобой ухаживать, мы бы поняли друг друга. Я бы хотела с тобой целоваться, ты бы хотела со мной... ну, в общем. Бесплатно получили бы свидетельство. Ты бы отказалась из-за мнения окружающих?

Сюй Сяое, казалось, была шокирована её смелым примером и на мгновение потеряла дар речи.

Ань Жун моргнула, облизнула губы:

— Не пойми неправильно, я просто привожу пример. Не обязательно, что это ты.

В голове Сюй Сяое всё перепуталось. Как на это ответить? Она никогда не думала об этом.

— ... Дай мне время, мне нужно подумать.

Ань Жун, видя, как она нахмурилась, словно действительно задумалась, обрадовалась и спросила:

— Это всего лишь пример, о чём тут думать? У меня есть тот, кто мне нравится. Я привела тебя в пример, чтобы ты почувствовала себя на месте.

Сюй Сяое с изумлением посмотрела на неё:

— Ты...

<http://bllate.org/book/16418/1488063>